

ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ: ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ И КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕОРИИ ПРАВА

*Тихонова Софья Владимировна**

Кафедра социальных коммуникаций, НИУ Саратовский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского,
ул. Астраханская д. 83, г. Саратов, 410012, Россия

Электронный адрес: segedasv@yandex.ru

Статья подана 02.05.2014

Аннотация — В статье рассматривается правовой плюрализм как идейный источник коммуникативных теорий права. Автор считает, что коммуникативные теории права в ближайшей перспективе сформируют самостоятельное широкое правопонимание (правовой коммуникативизм), которое способно, не отменяя достижений юридического позитивизма в описании и конструировании государственного права, зафиксировать нормативную систему современного общества во всем богатстве ее разнообразия как единое целое. Коммуникативные теории права преодолевают ограничения правового плюрализма и отвечают критериям «теорий среднего уровня», так как пригодны для обеспечения прикладного применения современной социальной теории, ее интеграцию в теорию государства и права. Интерпретация права как регулятивной коммуникативной системы обеспечивает целостность понимания правового развития. Коммуникативные теории права применимы для отражения динамики современного государствогенеза и системных трансформаций позитивного права в условиях информационного общества, применения информационно-коммуникационных технологий для государственного строительства. Но пока их эвристический потенциал затемняют дискуссии о правовом плюрализме, положения которого еще не обрели законченную и общепризнанную форму. Автор приходит к выводу, что дискуссия о возможности существования негосударственного права пока отодвигает на задний план проблему единства нормативных систем.

Ключевые слова: правовой плюрализм, коммуникативные теории права.

* © Тихонова С. В., доктор филос. наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, НИУ Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

HISTORY OF LEGAL NORMS: LEGAL PLURALISM AND COMMUNICATIVE THEORY OF LAW

*Tikhonova Sophia Vladimirovna**

Department of Social Communication, Saratov State University,
83 Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

e-mail: segedasv@yandex.ru

Received May 02, 2014

Abstract — 1) The article is about the legal pluralism as an ideological source of communicative law theories. 2) *Methods*. The author uses communication approach. 3) *Results of research*. The author considers, that communicative law theories in the short term will create independent broad legal thinking (a legal kommunikativizm). It will be capable to consider achievements of legal positivism in the description and designing of state law and to record normative system modern society in all richness of its variety taken in its entirety. Communicative law theories overcome restrictions of legal pluralism and to meet the case of “theories of the average level”. They are capable to provide the application of the modern social theory, its integration into the state and law theory. Law interpretation as regulatory communicative system provides integrity of understanding of the legal development. 4) *Conclusions*. Communicative law theories are applicable for reflection of modern stategenesis dynamics and system transformations of a positive law in the conditions of information society. However their heuristic potential is darkened by discussions about the legal pluralism. The author concludes that now discussion about possibility of existence of the non-state law removes a problem of unity of normative systems on a background.

Keywords: legal pluralism, communicative law theories.

* © *Tikhonova S. V.*, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social Communication, Saratov State University.

Введение. В центре внимания данной статьи история правовой нормы в современном обществе. Являются ли нормативные системы закрытыми сетями разных норм, пусть и реализующими единую архитектонику в рамках общего ансамбля, но все же состоящими из *разных* исходных элементов? Или одни и те же нормы способны модифицироваться в рамках социальной системы, адаптируясь к специфике различных сообществ и связывая общество в единое целое? Предполагает ли нормогенез рецепции из одной нормативной системы в другую и насколько закономерны/случайны факты таких рецепций? Может ли, например, религиозная норма стать правовой, или речь должна идти о связанных и схожих нормах? Ответы на эти, на первый взгляд простые, вопросы позволили бы сформировать панораму истории правовых норм, показать наличие ее направленности и перспективы управляемости. Однако получить эти ответы не так просто. Во-первых, в силу дисциплинарной замкнутости социальной теории и юридической науки. Во-вторых, потому что они затрагивают фундаментальные проблемы правопонимания, в отношении которых не одно поколение исследователей испытывало соблазн объявить их вечными, т. е. принципиально неразрешимыми.

Для юридической науки в отечественной традиции характерна «трансцендентная» модель места права в социальной системе. Юридический позитивизм¹ и тем более нормати-

¹ Также обозначаемый западными исследователями как «этатистский позитивизм» в силу характерной для него акцентуации роли государства в формировании позитивного права. Далее в тексте термины «юридический позитивизм» и «этатистский позитивизм» употребляются как синонимы.

визм опираются на тезис о том, что право представляет собой особую реальность, возвышающуюся над социальной реальностью. Из этой реальности второго порядка есть доступ ко всему спектру социальных отношений, которые на основе государственного принуждения приводятся в соответствие с задаваемыми на «верхнем этаже» правовой реальности нормативными образцами — правовыми нормами. Если нормативизм оставляет за рамками рассмотрения вопрос об источнике правовых норм, то для позитивизма его решение однозначно. Правовые нормы устанавливаются законодателем. Воля законодателя связана принципами права и юридической техникой, но эта связь довольно условна. Правотворческая миссия законодателя критиковалась еще исторической школой права, демонстрировавшей транспоколенческий и анонимный характер формирования норм обычного права, в противовес мертворожденным предписаниям позитивного права реально исполняемых людьми.

Действительно, процессы нормотворчества в рамках «трансцендентного» права позитивизма приобретают психологический ракурс, покидая поле социального анализа. Мотивы законодателя в этом случае профанируются, сводятся до уровня произвола или, в лучшем случае, здравого смысла. Сами же нормы права рассматриваются как инструмент разрешения конфликтов. Они упорядочивают социальные отношения, поддерживая социальную структуру, обеспечивая ее непрерывное воспроизводство через пресечение отклонений.

Но правовые нормы, как и любой другой социальный феномен, существуют в динамике. Само общество непрерывно меняется, а констатация увеличения скорости социальных трансформаций стала общим местом социальных наук еще в последней четверти XX в. Динамика норм во многом носит конвенциональный характер: в меняющихся обществах приходится обновлять нормы через замену или интерпретацию, договоры о том, какими должны быть правила интеракций. Особенно это характерно для инновационных сфер деятельности, возникших в результате научно-технического прогресса.

В этих сферах нормативные системы непосредственно определены спецификой деятельности, традиционные установления играют малозначительную роль. Координация деятельности предполагает поиск консенсусов и компромиссов.

Если в теоретической социологии осмысление социальных функций конфликта сформировалось позднее, чем осознание социальных механизмов консенсуса (работы Т. Парсона получили признание раньше работ Л. Козера, Р. Мертон и Р. Дарендорфа), то в философии права ситуация обратна: устранение конфликтов вытесняет на задний план установление конвенций, подменяя их в лучшем случае процессами легитимации позитивного права. Однако договор и конвенция также относятся к сущности права, как наказание и защита законных интересов. В конце концов само учреждение конституций рассматривается как вид общественного договора и социального консенсуса.

1. Методы исследования. Используемый автором коммуникационный подход к исследованию права как регулятивной коммуникативной системы общества опирается на парадигму постнеклассической рациональности и интегрирует социальную феноменологию, синергетику, пространственный подход и теорию коммуникации.

2. Результаты исследования. На рубеже тысячелетий поиск методологического синтеза привел к попыткам интегративных версий правопонимания, стремящихся объединить достижения классических монистических теорий.

В последние годы в отечественной правовой науке отчетлив интерес к коммуникативным теориям права. Их методологической основой определяют правовой плюрализм, широкое правопонимание, рассматривающее право как нормативную систему социального контроля. Государственное право в этом ракурсе рассматривается в одном феноменологическом ряду с церковным правом, правом корпораций, международным правом, нормами других социальных институтов.

Формально истоком дискурса о правовом плюрализме (юридическом плюрализме, полиюридизме) считают пу-

бликацию в 1971 г. сборника трудов Ж. Жиллисана «Правовой плюрализм», в котором впервые проводится различие между «действующим правом» и «государственным правом». Правовой плюрализм противостоит этатистскому позитивизму. Последний игнорирует нормативно-институциональную данность права, то обстоятельство, что правовая коммуникация и все правовые действия в повседневной общественной жизни осуществляются и поддерживаются за счет нормативных институтов, организаций и прочих социальных систем. Правовой плюрализм, напротив, связывает право не только с позитивной системой права, но и с корпоративным правом транснациональных компаний, квазипрецедентным правом третейских судов, установлениями спортивных ассоциаций, многочисленными формами «неофициального права» и т. д.

Правовой плюрализм как теория развивается, *во-первых*, на маргиналиях юридической науки, на границе между юриспруденцией и социальными науками — в сфере юридической антропологии и юридической этнологии, показывающих встроенность правового бытия в повседневное пространство (этнической) культуры. Собственно, в этой сфере правовой плюрализм и зародился — сборник Ж. Жиллисана концептуализировал полевые исследования обычного права. Ставшие их результатом данные демонстрировали наличие в бывших европейских колониях наряду с государственным правом множества местных негосударственных систем права. Эту ситуацию Ж. Вандерлинден охарактеризовал как «наличие в рамках одного конкретного общества нескольких правовых механизмов, по-разному действующих в одинаковых ситуациях» (Vanderlinden 1971: 19).

Позднее С. Э. Мерри зафиксировала ее в следующем тезисе: «правовой плюрализм — это ситуация, при которой две или более правовые системы сосуществуют в одном и том же социальном поле» (Merry 1988: 870). Ситуация правового плюрализма, рассматриваемая как исследовательский объект, потребовала методологических инноваций, категориальной проработки и разграничения таких понятий, как «обыч-

ное колониальное право» (*customary law*) и «доколониальное аборигенное право» (*indigenous law*), «социальное поле», «социальное автономное поле», «нормативная плюральность» (подробнее см.: Бобровников 2002).

Необходимо отметить, что связанные с «Журналом правового плюрализма» исследования К. фон Бенда-Бекманн, Ф. фон Бенда-Бекманн, Ж. Вандерлиндена, Дж. Гриффитс, С. Э. Мерри, Л. Посписил Ф. Стриджбош и других исследователей, опираются в плане преемственности на более широкий дискурс французской школы социологии и, далее, на структурализм — в силу центрации на анализе структур как первобытного, так современного общества.

Во-вторых, важным доктринальным вкладом в формирование теории правового плюрализма стали социологические теории права, подчеркивающие, что право формируется в процессе социального взаимодействия и относительно автономно от государства. Наиболее существенное влияние на правовой плюрализм оказала теория права Г. Гурвича. Согласно ей, в национальной системе права действуют «социальное право», «индивидуальное право», «субординационное право». Социальное право является орудием объединения масс, общин, коммун и организаций, индивидуальное право опирается на межличностные отношения, формирующиеся в их рамках кооперацию или антагонизмы, субординационное право выступает искаженной редукцией гетерогенной системы индивидуального права, характерной для недемократических режимов. Все три типа и их многочисленные конкретные виды взаимодействуют, диалектически перетекают друг в друга и создают динамичный правовой ландшафт, состоящий из 162 видов права (Голосенко и Гергилов 2000). Каждая активная социальная группа формирует собственные юридические традиции, предполагающие юридическую регуляцию и практику. Как отмечает М. В. Антонов, социальное право Гурвича предшествует государственно-правовому регулированию, а его анализ опирается на интеграцию, трансперсонализм и плюрализм (показательно, что эти «три кита» затем будут востребованы

в феноменологической социологии) (Антонов 2012: 266). Интересно, что правовая теория Гурвича в определенном смысле противостоит дюркгеймовской социологической традиции, столь близкой правовым антропологам, Гурвич отказывается от преувеличения роли социальной солидарности в обществе, хотя именно этот постулат был характерен для французской институциональной школы права начала XX в. (М. Ориу).

При всей оригинальности идей Гурвича исследователи единодушны в оценке их роли на дальнейшее развитие социологической правовой теории. Концепции Гурвича оказались слабо воспроизводимы в силу громоздкости и перегруженности его теоритических выкладок, избылиующих встроеными друг в друга классификациями и авторскими понятиями, далекими от общепринятых. Однако в настоящее время, в период активного развития правового плюрализма, идет переоценка идей Гурвича, примером чему может служить исследование Ж. Ле Гоффа. Иногда труды Л. И. Петражицкого рассматривают как источник теории правового плюрализма, но речь идет скорее о сходстве и опоре Гурвича на некоторые тезисы Петражицкого, его учителя (университетского преподавателя). Последний, анализируя социальное право как результат правотворческой деятельности негосударственных организаций, опирается на некоторые положения креативного плюрализма Гурвича.

В-третьих, к середине XX в. в правовом пространстве западных стран, в первую очередь США, сформировалась так называемая «неформальная юстиция». Это понятие охватывает весь судебный опыт, накопленный в области применения категории договора. Н. Рулан так характеризует неформальную юстицию: «Различные инстанции призваны осуществить скорее “социальное”, нежели “законное” правосудие: они должны преодолеть формализм, заботясь более о восстановлении социальной справедливости, чем о применении права, добиваться согласия сторон, оперируя скорее “терапевтическими”, нежели репрессивными мерами, короче говоря, прибегать к категории договора и избегать категории принуждения. В насто-

ящее время считается, что только от 5 до 10% споров доходят до судов общего права, что может послужить доказательством достаточной распространенности практики регулирования конфликтов либо самими сторонами, либо с помощью различных инстанций «неформальной юстиции» (Рулан 2000).

Как отмечает Г. Вудман, в современных государствах существует множество видов права в дополнение к государственному, причем последнее является одной из составляющих правового плюрализма в тех случаях, когда оно соблюдается населением, соблюдающим также и обычное право (Вудман 1999: 11). Исследования такого плана осуществляются не только в рамках юридической антропологии, но сравнительного правоведения и историко-правовых исследований, показывающих динамику и взаимосвязь конкретных институционально-правовых ансамблей, их зависимость от внешних рецепций и т. п.

В-четвертых, появились исследования по развитию права в условиях глобализации. Теории глобализации наиболее чувствительны к сосуществованию, взаимосвязи и взаимовлиянию различных институционально-правовых комплексов, действующих в конкретном правовом пространстве. В этом случае показываются конвергенция различных форм права (например, Евросоюз) или, напротив, провалы и неожиданные эффекты либерализации локальных правовых систем стран Востока и Африки. Глобализация действительно поставила под вопрос судьбу жесткого централизованного государства в Европе, где в ряде государств все больше политической власти передается в руки децентрализованных региональных институтов: «на международном уровне возникло множество международных институтов, наделенных властью принимать собственные решения. Что наиболее показательно, Европейский Союз взял на себя часть правовой компетенции государств — участников Союза. Но при этом, по меньшей мере сегодня, Европейский Союз не проявляет тенденций к превращению в новое европейское централизованное государство. Принцип субсидиарности, закрепленный в Маахстритском договоре от 7 февраля 1992 г., заблоки-

ровал любые поползновения в этом направлении» (Ван Хук 2012: 28).

Искания в сфере правового плюрализма были органично впитаны коммуникативными теориями права. В конце XX в. парадигма неклассической рациональности становится фундаментом новой модели правопонимания, способной интегрировать все классические его типы. На нее и опираются правовые версии коммуникативистики.

А. В. Поляков справедливо отмечает, что при коммуникативном подходе право понимается не как абстрактное предписание (воля, приказ, норма), а как то, что возникает лишь через процедуру согласования и понимания с обобщенным Другим (социальным Другим) (Поляков 2011: 45). По мнению В. Кравица, право есть динамично-функциональная, всепроникающая, социально-установленная сеть совокупных коммуникаций и юридических действий (Кравиц 2011: 18). Таким образом, право есть сеть коммуникаций, типизированных через соотносительность с социальным Другим.

Мартин ван Хук отмечает, что стихийная самоорганизация в современных обществах возможна именно потому, что способность устанавливать порядок отношений и есть качество социальности. В праве проявляются универсальные свойства социальности. Главная задача права — структурирование общества. Она распадается на две функции: а) структурирование политической власти; б) поддержание социальной связи. Право задает динамику социальных структур в двух направлениях — от публичного к личному, от личного к публичному. Оно определяет поведение, ограничивает альтернативы, формирует взаимные ожидания, согласует поведенческие стратегии людей. В целом право выступает механизмом институализации коммуникации, способом сегрегации, обособления различных ее видов. Коммуникативные теории права чувствительны к процессам живого правотворчества и одновременно воспроизводства права в условиях характерной для глобализации динамики современных государств. Они показывают, что право не эндогенно обществу и не обязательно

трансформируется исключительно вместе с ним и после того, как в обществе накоплены соответствующие изменения. Также они объясняют, что у государственного принуждения есть естественные ограничения, тотальная регламентация общественных отношений с помощью позитивного права требует слишком высоких издержек, поэтому недостижима даже при тоталитарных режимах.

Н. В. Пашкевич показал, что право имеет некую резервную функцию — функцию реформирования общественных отношений согласно желаемому видению, социальному идеалу или сознательно воплощаемому политическому проекту. Трансформации правовой системы оказываются в итоге гораздо более динамичными, поскольку их источником является не абстрактная тотальность общественных отношений, но скорее «экспертное» видение направлений эволюции, характерное для политической элиты (Пашкевич 2010: 123). Интерпретация права как регулятивной коммуникативной системы может показать, как сочетаются в правовой жизни конвенции, управление, принуждение. Коммуникативный плюрализм делает возможным постановку вопроса о механизмах эффективности позитивного права, выявляя переход конкуренции ценностных систем элит и социальных групп в конкуренцию правовых принципов.

Весьма вероятно, что коммуникативные теории права в ближайшей перспективе сформируют самостоятельное правопонимание (обозначим его предварительно как правовой коммуникативизм). Но пока их эвристический потенциал затемняют дебаты о правовом плюрализме, положения которого еще не обрели законченную и общепризнанную форму. Дискуссия о возможности существования негосударственного права пока отодвигает на задний план проблему единства нормативных систем.

Плюрализм акцентирует конвенциональную природу права. Правовой плюрализм преодолевает изоляционизм права, характерный для трансцендентной модели позитивизма. Длительное социальное развитие, вызвавшее разделение труда, обусловило в современных обществах специализацию, про-

фессионализацию правовой деятельности, формирование особых социальных систем, в которых заключены правотворчество и правоприменение. Но их автономность является иллюзорной. Эти системы адаптируются к общим социетальным трансформациям в силу своей открытости к живой ткани общества. Такая адаптация нелинейна и чаще идет на макроуровне: глобализация вынуждает сталкиваться и взаимодействовать национальные правовые системы, адаптироваться к ситуации единого мира, развивать международное право и приводить в соответствие с ним самое себя.

Правовой плюрализм неоднократно критиковался за «размывание» сущности права, нивелирование его социальной природы. Коммуникативные теории права, в свою очередь, преодолевают ограничения правового плюрализма, поскольку потенциально способны вскрывать специфику формирования нормативного регулирования в конкретных социальных системах, в том числе в рамках государства. Кроме того, они отвечают критериям «теорий среднего уровня», так как способны обеспечить прикладное применение современной социальной теории, ее интеграцию в теорию государства и права.

Отметим, что вопрос о сущности государственного права, поставленный на макроуровне развития социальной системы, не разрешим без вопроса и сущности государства. Этатистский позитивизм имплицитно исходит из того, что государство стабильно в ходе истории, но при этом фактически имеет дело только с государством Модерна.

Характерная для западноевропейской мысли позиция гипертрофирует роль государства в социальном бытии, затемняя вопрос о специфике государственного развития. Государственный период существования человека насчитывает 6 тыс. лет, данные о нем весьма неравномерны и отрывочны, а знание механизмов социальных связей, существовавших до его появления, скорее, заменено спекулятивными абстракциями, при том, что мысль о социальности человека как биологического существа никому не приходит в голову.

Юридический позитивизм связан с так называемым национальным государством Модерна, объединившим в единое

целое два компонента: особое сообщество людей и специфическое территориальное государство. Сообщество получило название «нация». Как подчеркивает В. Я. Любашиц, политическую окраску слово «нация» приобрело в период Реформации (Любашиц 2005: 6). Если до Реформации «нациями» называли этнические группы внутри церковных, военных и хозяйственных институтов, а определение принадлежности к нации монополизировали лидеры католической церкви, то в период Реформации распространилась идея о том, что право определять принадлежность к нации должно иметь только государство. Великая Французская революция XVIII в. внесла в понятие нации привычный сегодня смысл: под словом «нация» понимают «совокупности граждан, чей коллективный суверенитет и воля образуют государство» (Хобсбаум 1998: 32), он и стал основой этатизма. Понятие «национальность» — как производное от понятия «нация» — начинает означать «совпадение этнической и гражданской принадлежности людей, проживающих на территории государства» (Любашиц 2005: 7).

Территориальное (модерное) государство стало результатом эволюции монархий в Европе XVI–XVII вв. Базовые процессы Нового времени, от буржуазных революций до Реформации, привели к тому, что модерное государство стало обеспечивать реализацию строгой и четкой фиксации территориальных границ, определяющих область монопольного осуществления государственной власти, санкционированной законом. «Модерное государство характеризовалось правлением над всеми людьми, населяющими определенную территорию; причем политически оно господствовало и обладало административной властью над населением прямо, а не через посредующие системы местных правителей или автономных корпораций» (Фурс 2000: 130).

Модерному государству принадлежит монополия на внутреннее и внешнее насилие, с помощью которого оно устанавливает внешнюю и внутреннюю политику, причем последняя реализуется через позитивное право. Для современного государства характерно сознательное и интенсивное государственное строительство, в ходе которого националь-

ное государство последовательно трансформируется в конституционное, правовое, социальное (каждый последующий признак присоединялся к предыдущему) (Рыбаков 2013: 7). Процессы глобализации и информатизации обнаруживают подвижность того комплекса социальных отношений, который и порождает одноименную социальную группу. Меняются роль и сущность государства. Эти изменения связывают с эрозией национального суверенитета в эпоху глобализации, с появлением новых представлений о его «сервисном» предназначении.

Но в основе развития государства лежит более фундаментальное событие — изменение соотношения частного и публичного в социальной жизни. Собственно, появление публичной сферы, ее выделение из приватной жизни первобытной общины, знавшей только социальные связи на основе родства и свойства, сделало возможным появление государства. В настоящее время формирование электронного государства, проблемы информационной безопасности, социализация Интернета приводят к тому, что инструменты взаимодействия с государством доступны из дома, вне формальных процедур анонимной бюрократии. Одновременно частная жизнь посредством социальных сетей проживается намеренно публично. Граждане получают небывалые возможности контроля над процессами государственного управления, государства получают небывалые возможности контроля над частной жизнью. Трудно сказать, что станет итогом реализации таких возможностей, каким будут государство и право в зрелом информационном обществе. Но уже сейчас очевидно, что в нем можно будет управлять процессами формирования государственного аппарата и процессами применения права к индивидуальным случаям повседневной жизни индивида с той же легкостью, с которой мы управляем иконками на рабочем столе.

Выводы. Возможно, переходные периоды (революции, отмены колониальной зависимости, распад сверхдержав и т. д.) не столько обеспечивают сосуществование государственного и обычного права, сколько обнажают их соседство для исследователя. Интеллектуальный снобизм юри-

дического позитивизма в отношении непозитивного права должен обрести разумные границы. Позитивизм чаще всего воспринимает фактический правовой плюрализм как институциональную ловушку, т. е. экономически неэффективную, но устойчивую норму (институт) хозяйственных отношений (Полтерович 1999). В качестве институциональных ловушек рассматриваются коррупция, бартер, уклонение от налогов, неплатежи), т. е. негативные явления правовой жизни, требующие преодоления. Но позитивное право преодолевает их только на микроуровне отдельных индивидов, никак не влияя на их системный характер.

Правовой плюрализм демонстрирует, что позитивное право — вершина айсберга. Коммуникативные теории права имеют свои собственные границы применимости. Они не должны подменять классическую теорию государства и права в решении проблем описания позитивного права хотя бы потому, что это описание в нашей стране является основой конструирования права и его реализации. Но они могут ее расширять, дополнять и обогащать. Главное их достоинство — они могут вскрывать подспудные механизмы и процессы, приводящие к формированию права и показывать процесс правогенеза в современных социальных системах во всей его полноте и разнообразии. Правовой плюрализм способен отразить связь разных нормативных систем в рамках конкретного общества, показать их единство и преемственность. Но пока эта способность потенциальна. История правовой нормы по-прежнему ждет своего историографа, который сможет показать ее «фазовые переходы» на этапах конвенции, управления, принуждения.

Литература

- Антонов, М. В. (2012). «Креативный плюрализм Г. Д. Гурвича». Рецензия на книгу: Le Goff Jacques. Georges Gurvitch: Le pluralisme createur. Paris: Michalon, 2012., 126 p.». *Правоведение* 2: 263–270.

- Бобровников, В. О. (2002). *Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана*. М.: Восточная литература. 368 с.
- Вудман, Г. (1999). «Теория права, антропология и плановый правовой плюрализм». В кн.: *Обычное право и правовой плюрализм: Материалы XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму*. Под ред. Н. И. Новиковой, В. А. Тишкова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН: 13–20.
- Голосенко, И. А., Гергилов, Р. Е. (2000). «Георгий (Жорж) Гурвич как социолог». *Журнал социологии и социальной антропологии* III (1): 17–33.
- Кравиц, В. (2011). «Юридическая коммуникация в современных правовых системах (теоретико-правовая перспектива)». *Правоведение* 5: 8–26.
- Любашиц, В. Я. (2005). «Возникновение национального государства как государства современного типа: проблемы теории». *Правовая политика и правовая жизнь* 1: 6–17.
- Панкевич, Н. В. (2010). «Взаимодействие и трансформация правовых систем в процессе глобализации». *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК* 3(6): 115–132.
- Полтерович, В. М. (1999). «Институциональные ловушки и экономические реформы». *Экономика и математические методы* 2: 3–20.
- Поляков, А. В. (2011). «Нормативность правовой коммуникации». *Правоведение* 5: 27–45.
- Рулан, Н. (2000). *Юридическая антропология*. М.: Норма. 243 с.
- Рыбаков, О. Ю. (2013). «Введение». В кн.: *Человек и государство в правовой политике Нового и Новейшего времени*. Под ред. О. Ю. Рыбакова: 3–12. М.: Статут. 400 с.
- Фурс, В. Н. (2000). «Глобализация жизненного мира в свете социальной теории (К постановке проблемы)». *Общественные науки и современность* 6: 128–139.
- Хобсбаум, Э. (1998). *Нация и национализм после 1780 года*. СПб.: Алетейя. 305 с.
- Хук, Ван М. (2012). *Право как коммуникация*. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета. 292 с.
- Merry, S. E. (1988). «Legal Pluralism». *Law & Society Review* Vol. 22(5): 869–896.
- Vanderlinden, J. (1971). «Le pluralisme juridique: essai de synthese». In: *Le pluralisme juridique*: 19–56. Bruxelles: Publ. par J. Gillissen, 332 p.

References

- Antonov, M. V. (2012). "Kreativnyj pljuralizm G.D Gurvicha. Recenzija na knigu: Le Goff Jasques. Georges Gurvitch: Le pluralisme createur. Paris: Michalon, 2012., 126 p." [Creative pluralism G. D. Gurvicha. Book Review: Le Goff Jasques. Georges Gurvitch: Le pluralisme createur. Paris: Michalon, 2012., 126 p.] *Pravovedenie — Law studies* 2: 263–270.
- Bobrovnikov, V. O. (2002). *Musul'mane Severnogo Kavkaza: obyčaj, pravo, nasilie: Oчерki po istorii i jetnografii prava Nagornogo Dagestana* [Muslims of the North Caucasus: custom, law, violence: Essays on the history and ethnography of the law of Nagorniy Dagestan]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 368 p.
- Furs, V. N. (2000). "Globalizacija zhiznennogo mira v svete social'noj teorii (K postanovke problemy)" [Globalization of the 'living world' in the light of social theory (to the problem)]. *Obshhestvennye nauki i sovremenost' — Social Sciences and Modernity* 6: 128–139.
- Golosenko, I. A., Gergilov, R. E. (2000). "Georgij (Zhorzh) Gurvich kak sociologij" [George (George) Gurvich as a sociologist]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii — Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. III(1): 17–33.
- Hobsbaum, Je. (1998). *Nacija i nacionalizm posle 1780 goda* [Nation and nationalism after 1780]. Saint Petersburg: Aletejja Publ., 305 p.
- Huk, Van M. (2012). *Pravo kak komunikacija* [Right as communication]. Saint Petersburg: Izdatel'skij dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta., 292 p.
- Kravic, V. (2011). "Juridicheskaja komunikacija v sovremennyh pravovyh sistemah (teoretiko-pravovaja perspektiva)" [Legal communication in modern legal systems (legal-theoretical perspective)]. *Pravovedenie — Law studies* 5: 8–26.
- Ljubashic, V. Ja. (2005). "Vozniknovenie nacional'nogo gosudarstva kak gosudarstva sovremennogo tipa: problemy teorii" [The beginning of the nation-state as the state of the modern type: problems of theory]. *Pravovaja politika i pravovaja zhizn' — Legal policy and legal life* 1: 6–17.
- Merry, S. E. (1988). "Legal Pluralism". *Law & Society Review*. Vol. 22(5): 869–896.
- Pankevich, N. V. (2010). "Vzaimodejstvie i transformacija pravovyh sistem v processe globalizacii" [Interaction and transformation of legal systems in the process of globalization]. *Politicheskaja jekspertiza:*

- POLITJEKS — Political expertise: POLITEKS* 3(6): 115–132.
- Polterovich, V. M. (1999). "Institucional'nye lovushki i jekonomicheskie reformy" [Institutional traps and economic reforms]. *Jekonomika i matematicheskie metody — Economics and Mathematical Methods* 2: 3–20.
- Poljakov, A. V. (2011). "Normativnost' pravovoj kommunikacii" [Normative legal communication]. *Pravovedenie — Law studies* 5: 27–45.
- Rulan, N. (2000). *Juridicheskaja antropologija* [Legal Anthropology]. Moscow: Norma Publ., 243 p.
- Rybakov, O. Ju. (2013). "Vvedenie" [Introduction]. In *Chelovek i gosudarstvo v pravovoj politike Novogo i Novejshego vremeni* [Man and the State in legal policy of the modern and contemporary time]. Ed.: O. Ju. Rybakov: 3–12. Moscow: Statut Publ., 400 p.
- Vanderlinden, J. (1971). Le pluralisme juridique: essai de synthese. In *Le pluralisme juridique*: 19–56. Bruxelles: Publ. par J. Gillissen, 332 p.
- Vudman, G. (1999). "Teorija prava, antropologija i planovyj pravovoj pljuralizm" [The theory of law, anthropology, and the planning of legal pluralism]. In *Obychnoe pravo i pravovoj pljuralizm: Materialy XI Mezhdunarodnogo kongressa po obychnomu pravu i pravovomu pljuralizmu* [Common law and legal pluralism: Proceedings of the XI international congress on common law and legal pluralism]. Ed.: N. I. Novikov, V. A. Tishkov. Moscow: Institut jetnologii i antropologii RAN Publ.: 13–20.